

Елена КОМАРОВА

Уроки игры на баяне

Повесть

Журнальный вариант. Сокращенный

С Димычем мы познакомились у Игоря в доме престарелых на Островитянова. Игорь там был уже несколько лет. Мать отказалась от него еще в роддоме, когда узнала, что у него детский церебральный паралич, и он жил в детских домах для умственно отсталых.

А Игорь родился богемой. Он постоянно курил, через дым говорил о Штайнере с каким-то легким эмигрантским акцентом и хитро шурился перед очередным подколом. Все мало удивились, когда он на год уехал в Германию. Вернулся совершенно такой же, только с еще большим акцентом.

У Игоря мы и встретились. Димыч ходил к нему несколько лет с большим рюкзаком, забирал Игоревы «тряпки», сдавал их в прачечную или стирал сам.

В тот день он тоже был с рюкзаком. Мы сидели вдвоем и пили чай. Потом Димыч пошел меня провожать. Был январь, а на нем только вытянутый свитер и никакого пальто. Он говорил, что закаляется и иногда ходит босиком по снегу. Он сутулился и на пальцы натягивал рукава.

Мы быстро шли мимо остановки, потому что ждать было холодно. Он говорил, что преподавал в школе литературу, потом работал в собесе, получил там от какого-то дедушки наследство и долго не работал. А сейчас он где-то дежурит ночью и помогает своему кумиру Алексею, который главный в какой-то организации по трудным подросткам и заключенным. В метро Димыч сел ко мне как-то слишком близко, и мне стало смешно.

Через день Димыч позвонил и спросил посредине разговора о моих «политических взглядах». Я что-то ответила. Тогда он резко сказал, что я не та

женщина, которая ему нужна, я расвирепела:

– А ты уверен, что ты тот мужчина, который мне нужен?!

Он замял эту тему, и мы быстро попрощались.

Потом я рассказывала подружкам этот случай про «ненормального», и мы вместе думали, как можно было лучше ответить. Иногда он звонил и куда-то меня приглашал. Я вежливо отказывалась, и мы быстро прощались.

Прошел год. Он позвонил с идеей: скинуться и купить Игорю магнитофон на день рождения. Где-то за городом он нашел дешевый. Я согласилась. Нужно было встретиться и передать ему деньги.

Димыч звонил каждый день, мы договаривались, потом он звонил и все отменял, потому что у него у самого не оказывалось денег.

Он приехал в воскресенье поздно вечером. Это был мамин день рождения, гости давно ушли, и в доме было тихо. Он был в красной ветровке, руки у него были тоже все красные. Он на них дул. Он только что стоял в метро и агитировал за Алексея, который был кандидатом в Московскую думу.

Димыч сидел за столом в красной куртке и кричал об Алексее. А я говорила: «Тише, тише...».

Он не мог тише, потому что он простоял там целый день. Он говорил, какой необыкновенный Алексей и что обязательно надо его выбирать.

Я стала спрашивать, как он сам живет и как себя чувствует его мама.

– Мама умерла десять дней назад, от рака.

Мы сидели уже молча, он не кричал, я подкладывала ему торт, и мне хотелось протянуть руку и подержать его ладонь. Но я не решилась, а только наливала ему чай чашку за чашкой. Руки у него никак не отогревались. И были такие же красные.

Он ушел, в квартире опять стало тихо, а у меня было ощущение, что я чего-то важного не сделала.

Мама сказала, что мальчик очень нервный, и она не поверила, что ему

тридцать четыре года.

Магнитофон он купил, и мы должны были идти на день рождения к Игорю. Договорились встретиться в метро, на «Профсоюзной». Я стояла в черной маминой шубе и парилась. Его не было. Сапоги у меня все были белые от соли. Вытереть их было нечем. Когда поезда уезжали, я их терла рукой, но ничего не помогало. Дима не пришел.

Я поехала к Игорю одна. Мы пили чай, выл ветер, и было грустно. Наконец послышались шаги в коридоре, и он вошел с большой коробкой. Я зажмурилась, мне показалось, что он так быстро вошел и обязательно сейчас ударится со всей силы о железную трубу – Игорев турник. Но он и не собирался ударяться. Он стоял посреди комнаты в дубленке и улыбался. И в этот самый момент мое сердце вдруг упало в чашку с кипятком. Я, кажется, влюбилась и стала смотреть на свои сапоги с белым налетом и мучиться.

Было уже поздно, я стала собираться. Димыч извинился, что не сможет меня проводить. Он едет к одной даме, которая живет в том районе, где он агитирует. У нее он разведет клей и пойдет утром развешивать листы об Алексея.

Я вышла на улицу и громко заревела. Никого на улице не было, только стоял какой-то автобус и не мог завестись. Мне казалось, что идти очень долго.

Через какое-то время Димыч позвонил и сказал, что Алексея не выбрали, а я попросила его помочь повесить Юле полки в квартире. Он согласился.

Я опять сидела в метро и парилась, но его не было. Если он не придет через десять минут, я встаю и ухожу, и больше никогда с ним не разговариваю. Он пришел через двадцать минут и виновато улыбнулся. Мы вышли из метро в серенький день и пошли к Юле. По дороге я успела на что-то обидеться, а он успел извиниться.

Юля нас ждала. На плите стоял кипящий чайник, и окна на кухне запотели. Димыч осмотрел полки и стены, сказал, что сам не справится и надо

звать Федорыча с инструментами.

Через несколько дней мы шли к Юле уже втроем, с Федорычем. Димыч предупредил, что Федорыч «необычный». Мы сидели с Федорычем на одной скамейке и ждали Димыча. Он меня еще не знал. А я догадывалась, что этот маленький мужчина в длинном желтом плаще и есть Федорыч. Димыч его любил, они вместе искали работу, ходили в Киноцентр, снимались в массовках и загорали на нудистском пляже, откуда Федорыча почему-то один раз выгнали. Димыч наконец пришел, нас познакомил, и мы пошли к Юле.

Под ногами чавкал мокрый снег. Димыч с Федорычем шли впереди, и Федорыч ругал Димыча за то, что тот впустил к себе жить какого-то Санька с Курского вокзала, который отлично жарил картошку с луком, а потом исчез вместе с Димычиными вещами. Федорыч возмущался, иногда останавливался и велел нам идти вперед, а сам высмаркивался в газету. Со мной он не разговаривал и даже не смотрел на меня. Мне было как-то одиноко. Я забежала в булочную что-нибудь купить и когда вышла, то увидела, что они идут далеко впереди и говорят о какой-то своей жизни.

Федорычу не понравилась Юля, не понравились ее стены и полки. Он сказал, что его сверла не подходят, отказался от чая и стал торопиться.

Димыч звонил каждый день около двенадцати и рассказывал весь свой день. Я мысленно ходила с ним в гастроном, сидела в парикмахерской, в палатке, в которой он дежурил. Потом он весело сообщил, что побрился наголо и все считают, что ему так очень идет.

Однажды он не позвонил как обычно в двенадцать. Дома у него никто не брал трубку. Я сидела на полу за дверью и смотрела на телефон, как будто тот что-то знал. Скоро Димыч позвонил и сказал, что его избили, когда он шел от Федорыча.

Наверное, не понравилась его бритая голова. У него все болело, и он медленно говорил.

– Я сейчас похож на панду с черными кругами.

Через несколько дней он приехал в гости. Он был без пальто, в белом растянутом свитере и в шапке. Он наклонил голову в сторону и улыбнулся:

– Похож?

– Похож.

Под глазами были зеленые с желтизной круги. Он снял шапку – голова была ярко-белая и очень замерзшая.

Мы прошли в мою комнату. Я погладила его по гладкой голове. Он отвернулся и спросил:

– Почему ты меня никогда не целуешь.

– Я не умею.

Он засмеялся и сказал, что такого с ним еще никогда не было, и уметь тут ничего не надо.

Я взяла его голову в ладони и поцеловала в зеленый круг под глазом.

Мы сидели молча, а дворник во дворе скреб улицу. Димыч сказал, что ему надо заснуть: он положил голову на стол и сразу заснул. Я сидела рядом и смотрела на него. У него было какое-то пронзительно-горькое выражение. Я отвернулась и стала смотреть на рукава свитера, мне показалось, что он не простил бы мне, если бы знал, что я смотрела на него тогда. Он спокойно дышал, и уши у него просвечивали от лампы.

Мама постучала в дверь и сказала, что он может опоздать на пересадку. Я его разбудила, и мы с ним долго смотрели друг на друга.

Ночью я никак не могла проверить сочинения и не понимала, о чем они.

Потом он позвал меня в кино на новый фильм Иоселиани. Договорились встретиться прямо в «Москве», около касс. Я приехала вовремя, начала ходить около Театра Сатиры вперед-назад. Мне не хотелось приходить первой. Когда я вошла в кинотеатр, очки у меня сразу запотели. Он стоял в углу, сутулился и улыбался. Ботинки у него были все белые от соли и обвязаны какой-то белой

проволокой, по-другому они не держались. Денег у него на билеты не хватало, и я добавила свои.

– Ленок, я очень хочу есть, давай поедим в подвале.

Мне стало обидно, что я так глупо ходила вперед-назад около «Сатиры».

В кинотеатре оказался подвал, в котором стояла деревянная парта. На нее он выложил белый батон и джем, а я сырники, которые утащила из дома. Димыч сбегал за ножом. Мы сидели на парте, болтали ногами и ели. Мимо нас проходили люди, пробегали в туалет опаздывающие зрители.

– В кино я теперь буду ходить только с тобой, – сказал Димыч.

Оказалось, что у нас были общие любимые фильмы: «Жил певчий дрозд» и «Июльский дождь».

Когда фильм начался, я поняла, что потеряла свою лисью шапку. Мы стали шарить в темноте по полу, ее нигде не было. Тогда Димыч вышел и скоро торжественно принес ее – она лежала на подоконнике. В зале от нас отсаживались – у него был новый прикол – он не мылся, наверное, месяц.

Фильм ему не понравился, и он вышел, сказал, что подождет меня в холле и читает газету. У Димыча был принцип: если фильм ему не нравится в течение десяти минут, то он уходит. Так же и с людьми.

Я досмотрела фильм до конца. В метро на нас оборачивались – он шел без пальто, битый и в сваливающихся ботинках.

– На нас все смотрят, – сказала я.

– Это их трудности – обывательские. А тебе что – слабо? Полюбите нас черненькими, а беленькими нас каждый полюбит, – и он как-то жестко улыбнулся.

Мне все время казалось, что он меня испытывает, испугаюсь я или нет.

Как-то Димыч приехал к нам с баяном. Он попросил разрешения поиграть: дома не успел, а на работе неудобно. Он играл, перед ним были ноты, но он в них не смотрел. Играл чисто, но в конце всегда почему-то ошибался. Он

шевелил губами, и на его лице опять появилось то пронзительное выражение, как тогда, во сне. Я опустила глаза. Он начал играть «Катюшу», и я вдруг почувствовала, что дико краснею, как будто это про меня песня.

Он заснул опять за столом, а я сидела рядом и слышала, как он дышит.

II

Богданчика мать положила в психиатрическую больницу. Он ее избил, и она не выдержала. У Богданчика была шизофрения. Он учился в классе, в котором преподавал Димыч. Когда Димыч ушел из школы, Богданчик стал ему звонить и приходить с шахматами. Он приходил, выигрывал и уходил. Богданчику было двадцать два года. Маму его звали Светка, и она работала горничной в какой-то дорогой гостинице.

Больше о Богданчике я ничего не знала и думала, что он маленький и толстенький. Мы с Димычем пошли его навещать. В больнице была долгая лестница. Попросили санитара вызвать Богданчика. Он никак не шел, мы стояли в коридоре и смотрели в окно, как за цветком в горшке шел дождь со снегом.

Наконец он появился. Высокий, умный и очень красивый. Волосы у него были черные, почти синие. Он постоянно переступал с ноги на ногу, как негры перед забегом. Мы дали ему бананы, он начал есть, а шкурки отдавал мне. Он ругал мать, санитаров, и «придурков» по палате, которые его били. Санитар стал часто ходить мимо нас – значит, пора.

Богданчик пристально посмотрел на меня:

– Детей заводить будете?

Стало неловко, и я начала что-то говорить о том, как надо себя вести Богданчику, чтобы его не били в палате.

Богданчик ел бананы и капал слюной на рубашку. Из-за этой слюны он выглядел как больной. Димыч в этом коридоре показался мне каким-то не таким. Богданчик протянул мне на прощание растопыренную руку. Я ее пожала,

она была совсем белой и слабой, как у маленького.

Когда мы опускались по долгой лестнице, я не знала, куда деть шкурки.

На улице мы посмотрели в окно, Богданчика в нем не было.

– Зачем ты ему там что-то говорила, не надо фальшивить, – сказал Димыч и посмотрел куда-то в сторону.

Мы долго ехали в автобусе, руки у меня были липкие, разговаривать совсем не хотелось.

В Москве было очень холодно. Димыч ходил босиком по снегу и сильно отморозил ступню. Мы не виделись.

Как-то Димыч позвал меня на лекцию к рериховцам. Ее отменили. Мы долго ходили около Новодевичьего монастыря. Начинало темнеть и не темнело. У меня было плохое настроение и какая-то тревога. Домой идти не хотелось. На Пироговке не было прохожих, мы долго по ней шли. Я почувствовала, что нам не о чем говорить. Заглянули в гастроном и долго там бродили.

На нашей остановке я подвернула ногу. Димыч довел меня до лавочки. Напротив стоял Махатма Ганди с палочкой. Он ее держал, железно. Нога болела. Когда стали переходить через светофор, Димыч вдруг сказал:

– Давай, поженимся, что ли, Ленок.

Я сказала, что это трудно: надо, чтобы разрешили родители и благословил батюшка.

На следующий день я заболела. Лежала и смотрела на белые цветы на занавесках. Вначале мне надо было решить это самой. На сердце кто-то давил: «А если он психически болен? Что тогда? – Нет, его просто никто не любил».

Я пошла к маме в комнату. Она лежала и читала. Я села рядом. Ничего объяснять было не надо – мама его видела.

– Мама, я все-таки рискну.

– Тебя сейчас все равно ничем не удержишь.

Я перестала звонить друзьям. Не хотела и не могла ничего о себе

рассказывать.

Димыч пришел меня навещать. Принес бананы. Мы их разделили пополам: часть мне, часть ему. Димыч ел суп, а я сидела около батареи и смотрела на него. Из моего махрового халата торчали нитки.

– Ну и ладно.

Нас тянуло друг к другу.

Он поцеловал меня прямо в сопливый нос, а потом ушел.

Я выздоровела. Димыч на кухне, когда мама наливала суп в тарелку, сказал, что просит руки ее дочери. Мама сказала:

– Ешьте.

Мы ели и молчали.

Папа сказал, что торопиться некуда – и решать все надо после Пасхи.

Собрались ехать к бабушке, в Вологодскую область. С нами ехал наш знакомый Федя за благословением поступать в семинарию. Мы сидели уже в поезде, а Димыча все не было. Я выскакивала на перрон и мучила проводницу, – сколько времени.

Она мне говорила, что, наверное, что-нибудь в метро случилось. Он прибежал за две минуты и виновато улыбался. В дороге Федя шутил, а Димыч читал газету. У мамы болело сердце. На Димыче теперь было новое стариковское серое пальто. Он все время хотел есть. Потом мы ехали в автобусе. Я сидела с Димычем и думала, что если бабушка не благословит нас, то этот человек, который вот так близко сейчас сидит рядом, должен стать мне чужим. Он спал, шофер заводил громкие блатные песни. Приехали.

Бабушка нас встретил радостно. Димыч перекрестился, креститься мы его научили по дороге. Бабушка вызвал меня в келью. Я все рассказала. Труднее всего было говорить, что Димыч крещеный, но неверующий.

Потом бабушка вызвал Димыча и о чем-то с ним долго разговаривал. Димыч сказал, что он его исповедовал. Ответ бабушка обещал дать завтра

утром, после литургии.

На службе Димыч крестился и часто кланялся и был похож на паломника.

После службы был ужин. Читали житие святых. Димыч сидел за столом вместе с мужчинами, и казалось, что он здесь уже давно живет. Места за столом уже не было, и я сидела с миской на полатах. Никто не разговаривал.

Перед сном мы обошли три раза вокруг креста, который был огорожен, там были мощи. Потом Димыч с Федей пошли в дом, где спали мужчины.

Мы с мамой легли на полатах. Моя голова была около окна. Я легла на живот и смотрела в черное окно. Что будет?

Служба начиналась рано – еще было темно. Меня морозило. Димыч был уже в храме, и мне показалось, что он подпевает хору. Батюшка вышел кадить, он обходил весь храм, потом подошел к Димычу, поцеловал его три раза и сказал:

– Кто был последним, тот станет первым.

Мы все причастились. Служба закончилась. Нас позвали есть. Мне не было его видно за обедом, но я чувствовала, что ему сейчас хорошо.

Пошли к батюшке. Он попросил нас Димычем подождать на террасе. И Димыч вдруг мне сказал:

– Давай здесь целоваться.

Мне стало не по себе. Батюшка пригласил нас в келью. Он благословил нас венчаться после Пасхи.

– Храните в доме мир, за это многие грехи прощаются.

Мы шли по дороге назад. Мама с Федей впереди, мы сзади. Я неожиданно вдруг почувствовала, что рядом идет мой жених. Мы шли очень долго. И когда грузовик остановился и предложил нас довезти до станции, где-то в глубине мне было жаль. В автобусе мы разговаривали и смеялись. Я не понимала, почему маме грустно. В поезде Димыч стал говорить о политике с каким-то бомжеватым старичком. Я видела, что маме это неприятно.

III

После Пасхи мы подали заявление в ЗАГС. Все сидели в одной очереди, кто подавать на развод, кто на брак. Кто пришел на развод, те смотрели все время на часы, куда-то торопились и заполняли бумаги каждый своей ручкой. А те, кто на брак – те не могли открыть дверь, дергали ее не в ту сторону и входили, смущенные, им казалось, что на них все смотрят. Иногда мимо проходили невесты в шляпах.

Дама с белыми волосами взяла у нас паспортчики и проверила, правильно ли мы все заполнили.

В среду опять пошли навещать Богданчика. В больнице оказался карантин, и никого не пропускали. Санитар взял передачу и обещал вызвать Богданчика к окну. Очень скоро с шестого этажа через решетки появилась Богданчикова голова и начала орать.

– Ре-бя-та! При-вет! Ме-ня ско-ро вы-пи-сы-ва-ют. Я у Ко-ли здесь вы-иг-ры-ва-ю. И се-год-ня две – пар-ти-и вы-иг-рал. Как у вас де-ла?

Богданчик кричал так громко, что с других этажей стали высовываться бритые головы. Все ухмылялись.

– У нас все хо-ро-шо. Вче-ра по-да-ли за-я-в-ле-ние. Ме-ня А-лек-сей бе-рет на ра-бо-ту о-фи-ци-аль-но.

Богданчик кричал, что не слышит, и Димыч начинал все сначала. В окнах смеялись. Богданчик вдруг заорал:

– Лен-ка, ты Дим-ку лю-би-шь?

Мне показалось, что вокруг стало очень тихо. И я на выдохе прошептала «да» и потом оглянулась на Димыча. Он стоял около дерева и отколупливал кору. Богданчик больше не кричал, наверное, ел передачу.

– Дураки, – закричал кто-то высоким и страшным голосом из окна.

Мы пошли к метро.

– Надо бы к Светке сходить, а то она одна, ей без Богданчика плохо, –

сказал Димыч.

Через несколько дней мы пошли к Светке. Она была совсем молодая, в красном халате. О Богданчике не говорили, а говорили о попугае, который сидел на шкафу и смотрел умным глазом сверху. В квартире была такая чистота, что, казалось, в ней жил только один попугай. Светка нас кормила борщом и наливала водки. Когда она запьянела, то начала плакать. Она сразу перестала быть молодой и стала матерью Богданчика, к которому она ходит каждый день в больницу с жареной курицей. Муж уехал на заработки в Иран, девчонки на работе все сволочи, а Богданчик в сто раз умнее этого Димки, хотя ни в каком институте не учился.

Потом Светка вздохнула и попросила Димыча устроить Богданчика на какую-нибудь работу.

– А то ходит, паразит, по квартире туда-сюда, туда-сюда. И все. Хоть бы посуду помыл.

Богданчика скоро выписали, и он стал мне все время звонить и рассказывать про инопланетян. Когда мама звала меня обедать, я просила его перезвонить. Он перезванивал через четыре минуты:

– ...А, а я думал, ты уже поела. Ну, слушай дальше...

Иногда у него трубку отнимала пьяная Светка и начинала говорить, что Димка ненормальный и ходит рваный. И она его жалеет и дает ему рубашки, которые Богдашке малы.

Светку останавливать я не умела.

К Димычу приехала Маринка. Она работала фельдшером на «скорой помощи», развелась с мужем, поссорилась с мамой и сказала Димычу с порога, что он ей самый дорогой человек, что ей весело на него смотреть и поэтому она пока будет жить у него. Димыч ее утешал.

Он позвал меня на митинг. Я пошла – хотелось его увидеть. Мы поднимались на эскалаторе, он стоял на одну ступеньку выше и смотрел, как

люди спускаются вниз, и вдруг тихо спросил:

– Ленок, а как ты относишься к тому, что я буду делить тебя с другой женщиной?

– Кого делить, зачем делить?

Потом я поняла и сказала:

– Тогда нам надо расстаться.

Когда я это сказала, у меня сразу выключился звук. Я продолжала идти за ним, солнце было белым, и хотелось жмуриться. Была весна.

Вначале на митинге выступал один, потом другой. Я шла за Димычем и тоже останавливалась у газет, как и он.

Наконец он пошел к метро, у автоматов я уткнулась в его свитер и заревела.

– Я же только спросил...

– Обниматься дома будете, – нам сделали замечание.

Жить не хотелось.

Маринки в это время уже не было в Димычиной квартире. Она уехала: то ли к мужу, то ли к маме.

Как-то Димыч пригласил меня к себе. Договорились встретиться в метро. Он стоял один, посреди зала на «Первомайской», босиком. Я сделала вид, что ничего не замечаю. Мужчины, почему-то чаще, чем женщины, оборачивались на него.

Я никак не могла понять, что скоро буду здесь жить: ходить в этот фиолетовый магазин за хлебом, а в тот желтый за молоком.

В квартире не было жилого запаха. Первым я увидела зеленый таз, а в нем будильник. Так он громче звенит. Книги стояли в ящиках от фруктов, многие достались в наследство от пожилого мужчины, которому Димыч от собеса носил еду. Там было много книг про революционеров. В комнате была навалена разная мебель – брат делал ремонт и все ненужное свозил к Димычу. Оба

телевизора не работали. Я запутывалась в каких-то проводах, которые валялись на полу.

На кухне стоял диван для гостей – из него торчали пружины.

В комнате было темно. Окно выходило на желтый пятиэтажный дом – спортивную школу. На улице никого не было. Мне тогда показалось, что осенью за этим окном будет тоскливо.

Потом к Димычу приехала моя мама – смотреть, где будет жить ее дочь. Она сказала, что в такую «мрачность» она меня не отпустит. Решено было убрать ящики, поклеить новые обои и переставить мебель. На следующей неделе надо было идти расписываться в ЗАГС.

Как-то Димыч спросил, надо ли помочь родителям на даче. Оказалось, что надо копать. Мы договорились встретиться прямо в электричке, во втором вагоне. Он ехал от Киевского, я входила на Матвеевке.

Когда я вошла, Димыч читал. В нем чувствовалась какая-то отчужденность. Он сказал, что только что напротив него сидела девушка. Он написал ей записку, в которой сообщил, что он подал заявление в ЗАГС, давал номер своего телефона и просил ее позвонить, если она захочет.

Он все честно рассказал мне. Мне захотелось теперь же выйти из этого дурацкого поезда, и пусть этот дурацкий Димыч едет к своей девушке. Но я сидела на деревянной лавке и смотрела на елки. Родители ждали нас на даче. Он протянул мне записку, оказывается, он ее не отдал. Ну и что, это все равно ничего не меняет.

Он вдруг стал серьезным и сказал:

– Я хочу, чтобы у меня жило много людей, которым негде ночевать. И чтобы в комнате стояли нары и все жили одной семьей. И даже пусть мужья и жены будут общие, как в двадцатые годы. Мне нравится, что Федорыч всех пускает. Я только боюсь, что ты запищишь. Ты запищишь, скажи?

Я ответила, что не хочу никаких «общих» жен и мужей, а пускать людей

согласна. И еще я что-то сказала о том, что хочу свой дом и детей. Мы в первый раз заговорили серьезно, и от этого было страшно.

– Его просто никто не любил,– говорила я сама себе.

На даче мы копали вместе. Димыч пел, а пел он красиво и тепло. Спина у него после зимы была бледная.

Я ждала Димыча в метро, он опаздывал. В ЗАГСе нам назначили на 11.00. Он прибежал в светлой рубашке.

Дама с белыми волосами вызвала нас в зал, мы растерялись и вошли в разные двери. Дама удивилась и пожелала нам счастья.

Купили мороженое. Мама ждала нас дома. Папа звонил с работы. Попили чай, и Димыч сразу заснул. Я укрыла его пледом. На лбу у него синела жилка.

Венчаться мы должны были через месяц. Димыч получил деньги – наследство от мамы. Надо было купить костюм и кольца. Димычу хотелось «шикарный» малиновый пиджак. Мы его отговорили.

Пошли покупать кольца. Когда выбрали, продавщица сказала:

– Жениху подойдет, а невесте берите побольше, мало ли что может быть.

Мне стало как-то страшновато от этого – «мало ли, что может быть». И до меня стало доходить, что я действительно уеду из дома.

Кольцо все же мне купили побольше.

Кирюшка, с которым мы всегда справляли Новый год, пригласил на день рождения. Я сидела дома и ждала, когда придет Димыч, чтобы ехать к Кирюшке. Димыч пришел веселый с нудистского пляжа, я его покормила, помыла ему голову, и мы поехали.

Мы появились позже всех. Навстречу вышел Кирюшкин брат и стал снимать нас на видеокамеру. Я смущалась и никак не могла понять, куда надо садиться. Все рассматривали Димыча и говорили, что мы очень похожи друг на друга. Димычу накладывали салаты. Димыч так низко наклонялся над тарелкой, что я толкала его ногой под столом.

Потом Кирюшка сказал, что нам надо идти танцевать. Нас снимали. Димыч нехотя переминался с ноги на ногу и шепнул мне, чтобы я убрала белую лямку. Танец никак не кончался.

Мы скоро ушли. Димыч остановил машину, и мы быстро доехали до дома. Ехать было весело.

Надо было делать ремонт. Каждое утро мы с мамой ездили к Димычу. Он иногда открывал нам быстро, иногда медленно. Он все время хотел спать. Мы его кормили и начинали клеить розочки. У мамы был особый немецкий клей. Стены были кривые, и розочки иногда тоже были кривые. Димыч разбирал ящики и относил их на балкон. Книги лежали посреди комнаты. Я ползала по рулонам и мазала их клеем, и все мы были в одинаковых синих тренировочных. Вечером мы с мамой уезжали, а Димыч шел увозить на склад нераскупленные газеты – это была его временная работа.

Неожиданно руки у меня покрылись струпьями, наверное, от старого клея. В электричке от меня даже отсели дедушка с внучкой.

Я пошла к врачу, он принимал в кожно-венерологическом диспансере. В очереди в регистратуру все смотрели друг на друга с сочувствием и ужасом. Никто ни до чего не дотрагивался.

В коридоре были кресла, как в кинотеатре. Рядом со мной сидела девушка с раздутым пальцем и дула на него. Кольцо ей пришлось разрезать в ювелирной мастерской, мастер с нее даже не взял денег.

Врач прописал мне лекарства. И я должна была мазать руки какой-то зеленой жидкостью. Я ходила с зелеными руками, но ничего не помогало. Розочки еще не поклеили, и книги так же лежали посреди комнаты.

Димыч составил список, кого он хочет пригласить на свадьбу. Список был очень большой. Он звонил и приглашал, его что-то спрашивали, и он отвечал:

– Двадцать семь...

– Учительница...

– Литературу...

– У Игорька в доме престарелых...

У всех были дела, и все отказывались. Я мерила мамино венчалное платье, которое она раньше прятала от меня. В детстве, когда я была одна дома, то часто искала его в шкафу. Платье было почти старинное, и я себя в нем не узнавала.

Завтра должна быть свадьба. Приехали мои тети и стали готовить. Я поехала к Димычу разбирать книги, про революционеров я откладывала в сторону. Димыч собирал шкаф, шурупы не подходили, и он кренился в сторону. Потом мы его забили революционерами, и он стал устойчивее. Комната стала чистая и похожая на бонбоньерку. Димыч признался, что так ему нравится больше.

Оставалось мало времени – надо было успеть на пересадку. Димыч захотел еще раз пригласить Федорыча, который стесняется. Димыч где-то нашел ему белые брюки, и мы побежали. Федорыч был пьяный и вежливый. Он отказался. На пересадку мы успели. Потом мы долго шли по улице, и Димыч пел, красиво и тепло.

В нашей квартире стоял большой стол с белой скатертью. Все сверкало. Я не узнавала свою квартиру и не могла поверить, что это все ради нас. За что? В душе было спокойно и тихо. Никто не волновался. Я сразу заснула.

Венчание было в два. Тетя Люба утром стригла Димыча и подшивала ему брюки. Потом я услышала, что Димычу сказали, что жениху положено дарить невесте цветы. Он поехал на рынок.

Тетя Люба стала одевать меня. Не знали, что делать с челкой. Я боялась, что с меня упадет венец.

Димыча долго не было, потом он приехал и подарил мне несколько роз.

Родители благословили нас. Мы приложились к иконам. Поехали. Когда мы подъезжали к церкви, нам навстречу бежала Светка:

– Богдашка где? Опять потерялся!

Я видела своих подруг, они стояли около церкви с букетами и разговаривали. Хотелось к ним. Мне сказали, что невесте нельзя до венчания выходить из машины. Димыч недолго посидел со мной, а потом пошел встречать Алексея – своего кумира. Мне вдруг стало одиноко и душно. Ко мне иногда подходили, но почему-то быстро уходили. Мама сказала, чтобы Димыч шел ко мне в машину. Прибежал Богданчик и сказал, что пойдет после венчания посмотреть, как я живу и что есть у меня интересного в комнате.

Отца Сергия долго не было. Светило солнце, и пели петухи, как в деревне. Прибежал Алексей с пучком желтых цветов. Димыч кинулся к нему. Алексей сказал, что через пять минут он уезжает в колонию.

Отец Сергей вышел. Мы поднялись в храм. Началось венчание. Такое чувство у меня бывало только иногда, на Пасху, но это было еще сильнее. Иногда я чувствовала, что у брата устала рука держать венец.

Когда мы вышли из храма, солнце светило еще ярче и петухи стали петь еще громче. Потом зазвонил колокол. Громко-громко, долго-долго. Мне казалось, что это звонит где-то внутри меня.

За столом было торжественно и легко. Самыми чинными были Димычины дядя и брат. Богданчик все время вставал и ходил по комнатам. Светка искала его глазами. Она была трезвая, но под конец заплакала. Заплакал и Димычин брат, когда говорили тост о матери. В церкви еще плакала крестная.

Игорь рассказывал о Германии.

Потом я вышла с подругой Дашей в свою комнату и вдруг сказала, что боюсь ехать. Даша погладила меня по руке.

Димыч слушал тосты, но сам молчал и часто смотрел на свое кольцо. Иногда мы толкались под столом. Гости ушли. Осталась только наша семья. Папа рассказывал что-то веселое – Димыч смеялся. Я почувствовала, что после венчания он стал мне ближе.

Мой брат стал собираться, он меня обнял и заплакал: «Шлепин, ну ты...».

Его подруга вышла в коридор. Димыч пошел за машиной. Мой чемодан был собран. Подарки Димыч упаковал сам. Он быстро вернулся и сказал:

– Прощайся.

Все были теплые и мокрые.

Я уже сидела в машине и оглянулась. У подъезда не горела лампочка, и там в темноте стояла мама. Сосед что-то спросил ее, и она как-то так махнула рукой, что я на какую-то секунду вдруг все поняла про ее жизнь, про нас с ней и то, что я уезжаю. Машина поехала. Мы молчали. Шофер только спросил Димыча.

– Увозишь?

– Увожу.

Из окна Москва мне казалась безлюдной, Димыч держал меня за руку.

Утром в ванной плавали розы. Столько их у меня никогда не было. Димыч спал. Я вдруг почувствовала, что мне нечего делать. Еду нам дали с собой, читать я не могла, звонить кому-то после свадьбы как-то глупо... Время не двигалось. Я позвонила Даше, и мы пошли в лес. Когда я шла, то мне казалось, что все видят, что я замужем. Ничего не изменилось: такое же солнце, такая же Даша, такая же я... А может, это не я? Мы загорали, ходили по лесу, а потом я узнала у Дашиной мамы рецепт одного овощного супа. Надо было учиться готовить.

В этот день Димыч был добрый и лохматый. А на следующий пошел на работу. Алексей взял его «насовсем», теперь он считал, что Димыч был «женатый» человек, которому надо кормить семью.

IV

У меня кончились каникулы. Дети увидели у меня кольцо, поздравили и посмотрели на живот. Живота не было. Я ходила на уроки, сидела в библиотеке

и проверяла сочинения. Я каждый раз боялась и приходила с пачкой исписанных листов. Задавала детям вопросы – они молчали, и я начинала отвечать сама. В сочинениях я пропускала ошибки и просила Димыча помочь. Димыч два раза проверил, потом стал сердиться, как плохо я преподаю и как плохо они пишут сочинения. Особенно он невзлюбил одну девочку, которая исписывала по девять листов. Он отказался помогать и купил мне учебник по русскому языку.

Вечером после занятий я иногда заезжала за ним на работу. В комнате за машинкой сидел сам Алексей. У него была большая кудрявая голова, которую он иногда поднимал от машинки, чтобы закричать в трубку или входящему:

– Вы не видите, я работаю, я занят, вы меня в гроб загоните, мне тридцать лет, а я только на валокордине живу!

Когда он стучал на машинке, то был похож на красногвардейца из фильма, который строчит из пулемета. Я его боялась, потому что казалось, что он сейчас обернется и чем-нибудь кинет. На Димыча он часто кричал. Димыч тогда горбился и смотрел в окно, при мне Алексей старался этого не делать.

Алексею присылали письма заключенные и просили пересмотреть дело или еще чем-нибудь помочь. Димычу было поручено систематизировать письма и на некоторые отвечать. Они с Алексеем часто ездили в колонии и тюрьмы. Алексей уезжал с работы на последнем поезде метро. Иногда я что-то сортировала и помогала Димычу. Но у Димыча была своя мечта: я должна была появляться с кастрюлей горячих щей и кормить всех.

Часто я приезжала к ним вечером после работы, привозила какого-нибудь хлеба, отпрашивала Димыча, и в одиннадцать мы уезжали домой. В нескольких домах от нас была спортплощадка. Мы шли от метро прямо к ней. Я садилась на бревно, Димыч отдавал мне дипломат и очки и шел крутиться на турник. Вокруг стояли высокие дома, и в них горел свет. Лаяли собаки. Я смотрела, как Димыч крутится через палку. В темноте не было видно лица. Я не считала, сколько он

прокрутился, а смотрела на Димыча, дома, небо, и мне казалось, что так будет всегда. Было радостно, что скоро мы будем дома и попадем в свой такой же желтый свет. На этом бревне было холодно. Наконец приходил Димыч, он шел всегда, как-то наклонив голову и смущенно-радостно улыбаясь, и был очень красивый. Он снимал меня с бревна, и мы быстро шли домой.

Позвонила Светка и сказала Димычу, что ей надо поехать на месяц к мужу в Иран, а Богданчика класть в больницу жалко, и надежда только на нас.

Мои родители были против, говорили, что мы только что поженились, что так не делается, что я не справлюсь с больным. Димычу было жалко Богданчика, и еще он говорил, что Светка оставит нам денег за сына. Отступать было некуда. Светка говорила, что Богданчик к нам очень рвется.

Я согласилась. Светка объяснила, когда и какие лекарства давать. Если будет агрессия, то дозу увеличивать, и главное – не забыть про укол, который ему должны сделать в середине месяца.

– Покупай все на рынке, смотри не эконошь, – крикнула на прощанье Светка.

Богданчик уже ехал.

Было третье октября. Время пошло. Я сказала Димычу, что надо срочно сделать щеколду в нашу комнату, в ванну и в туалет, Димыч посмотрел на меня снисходительно, но начал делать. К приезду Богданчика все было готово.

Богданчик пришел веселый, с черной сумкой и пакетом, из которого торчали шахматы. Мы начали раскладывать вещи – рубашки хрустели от чистоты, Богданчик никак не мог решить, куда можно положить шахматы. На окно он поставил четыре тома Хаггарда. И начал быстро ходить по квартире и говорить:

– Димка, сыграй со мной скорее... Димка, сыграй со мной скорее...

Мы поели, Богданчик ел с большим аппетитом и все хвалил. Мне казалось, что нас стало как-то сразу много и квартира сделалась более жилой.

Как только я пошла в ванную, Богданчик побежал к двери и стал изо всех сил дергать:

– Ленка, открой быстрее, мне надо высморкаться!

Так было каждый раз, и я все время боялась, что щеколда сломается.

Таблетки Богданчик принимал покорно. Их лучше было запивать кефиром или молоком, и поэтому Богданчик часто ходил в кефирных усах.

Богданчик спал на кухне на диване для «гостей». Когда мы завтракали и убегали на работу, он еще лежал. Я его будила, и он при мне выпивал таблетки и громко кричал:

– Только быстрее приходите, а то скучно.

С работы я торопилась домой.

– Меня ждут, у нас сейчас Богданчик.

Богданчик стоял уже на пороге и улыбался. На сковородке жарилась яичница. Я готовила ужин и начинала проверять сочинения.

Богданчик приходил и стоял рядом, переминаясь, как негр на старте. Я понимала, что проверять бесполезно, и Богданчик начинал рассказывать про инопланетян. Когда он сильно волновался, то мог весь вечер говорить одну фразу:

– Ленка, ты в бессмертие веришь? Ленка, а Ленка, ты в бессмертие веришь?

После девяти я начинала ждать Димыча. Он не шел, только звонил, что скоро выходит. Богданчик приносил доску и учил меня играть в шахматы, объяснял он здорово. Димыча не было, и у меня начиналась тоска. Богданчик говорил, что он сейчас обязательно придет. Ужин остывал окончательно.

Когда Димыч приходил, Богданчик бежал навстречу и громко кричал:

– Димуля пришел! А мы с Ленкой тебя ждем! Садись ужинать!

После ужина Димыч играл на баяне. Если было очень поздно, он выходил на улицу, на школьный пустой двор и играл там. Возвращался замерзший и не

хотел играть в шахматы. Богданчик стал обижаться, а Димыч стал ему выговаривать, что он ничего не делает по дому. Однажды он заставил Богданчика мыть посуду.

Богданчик открыл кран на всю мощь и вялой кистью стал водить по тарелке. Димыч стоял рядом и учил, как надо держать тряпку. Я вызвала его в комнату и сказала, что Богданчик больной человек, и его надо оставить в покое.

Богданчик приставал с шахматами. Димыч отказывался. Богданчик звонил ему на работу; Димыча не подзывали.

Я все время готовила: Богданчик любил поесть.

Вечерами мы сидели за одним столом и ждали Димыча. Богданчик помнил, что заболел в десять лет. Вышел из дома, что-то услышал и все-все сразу понял. Так и заболел. Потом он вспомнил, что во втором классе ему нравилась девочка, которая сидела с ним за одной партой. Он запел какую-то детскую песню. У него было здоровое умное лицо.

Днем Богданчик ездил в Сокольники. Я должна была ему выдавать деньги на мороженое. Остальные Светка велела хранить у себя. Богданчик часто подходил к шкафчику и спрашивал, сколько еще осталось.

Иногда он ходил в кино. Как-то он сходил, посмотрел какой-то фильм про любовь. Когда пришел домой, то стал глупо улыбаться и хихикать.

Димыч разочаровался в Богданчике и перестал с ним разговаривать после того как понял, что Богданчик ленивый.

Богданчик часто нервничал и не мог уснуть, тогда он звал меня. Я гладила его по голове, он улыбался и скоро засыпал.

Однажды ночью он неожиданно вышиб замок в нашу комнату и включил свет. Димыч начал орать. Богданчик сжался и вышел. Это стало повторяться все чаще.

В коридоре Богданчик стал прижимать меня к стене, я звала Димыча. Он кричал, что Богданчику надо жениться и приставать к своей жене. Димыч

ревновал, а я прятала улыбку.

Иногда звонила Светка. Богданчик волновался и не мог уснуть. Я боялась пропустить день укола.

Один раз я взяла его с собой за картошкой. В очереди Богданчик зашумел, быстро устал и сразу уехал в Сокольники.

Димыч приходил все позже. Я плакала. Богданчик это видел, подходил и спрашивал:

– Ленка, ты что плачешь? Ленка, ты что плачешь?

Часто он называл меня «цветочек аленький», и ему нравилось, как у меня пахнут волосы от шампуня.

Когда Богданчик уезжал к родственникам смотреть футбол и оставался у них на два дня, в квартире было тихо. Комната казалась большой. Мы с Димычем долго сидели вечером на кухне. Богданчик звонил и сообщал счет.

Когда он возвращался, я опять быстро бежала с работы, и в квартире начинало пахнуть котлетами.

– Ленка, а мне тут у вас веселее, чем дома. Если мать умрет, вы меня в интернат не отдадите? Я ведь с вами буду жить, правда?

Однажды я спросила его, что он говорит, когда нас нет дома и звонят ученики.

– Ленка и Димка еще не пришли, – хитро улыбнулся Богданчик.

Наступил день укола. Я купила шоколадку сестре, и Богданчик поехал.

Часто мы вместе шли до метро: я ехала на работу, Богданчик в Сокольники. Он брал меня под руку и нес сумку. В это время он никогда не разговаривал и был важный. Иногда только просил купить мороженое.

Димыч его не замечал. Ситуация нагнеталась. Я ждала Светкиного приезда. Богданчик жил у нас уже месяц. На вид он заметно поправился.

Наконец Светка позвонила и сказала, что послезавтра приедет. Богданчик сорвался. Он ходил из комнаты в кухню и из кухни в комнату. Чувствовалось,

что ему очень плохо. Я его успокаивала, но ничего не помогало. Когда я увеличивала дозу, то ничего не менялось, и я просто сидела с ним рядом.

На следующий день выяснилось, что Богданчикова электробритва сломалась, а Димычина его не берет. Станком он бриться боялся, Димыч начал его брить, но ему надо было опять на работу. Богданчик мотал головой, и я боялась его порезать. На подбородке и на шее у него так и осталась щетина. Собрали вещи, Хаггарда связали и сложили в отдельную сумку. Богданчик сидел на диване и ждал. Время у него не шло.

Вечером Димыч и Богданчик о чем-то заспорили.

Богданчик не мог заснуть и громко ходил по кухне. Я дала ему еще таблетку. Он лег. Ночью он вошел в нашу комнату, и включил свет, и стал хохотать. Димыч вскочил, выкинул Богданчика из комнаты и выругался. Потом извинялся передо мной. Богданчик опять стал ходить по кухне и чем-то греметь.

– Ленка, я есть хочу!

– Лежи и не ходи, – сказал Димыч.

Когда Димыч задремал, я пошла к Богданчику и что-то ему приготовила. Он съел несколько ложек и сказал, что ничего не хочет. Мне казалось, что он меня ненавидит.

– Мама скоро приедет, спи.

Утром мы проспали. Я вскочила в ужасе. Через пятнадцать минут надо было выбегать на работу. Я начала трясти Богданчика:

– Быстрее, быстрее.

Он не вставал. Оставлять их вдвоем с Димычем я боялась больше всего. Светка уже приехала, и я начала запихивать оставшиеся вещи в сумку. Светкино одеяло почему-то не помещалось в прежний пакет, тогда Димыч как-то так завязал пакет с одеялом, что получился страшный мешок с веревкой. Богданчик совсем разорвал Светкину простынь, и я не знала, что с ней делать, и тоже положила ее на всякий случай в сумку. Надо было выбегать, и я сказала,

что ключ от квартиры надо забрать.

Богданчик удивился. У меня тряслись руки. Димыч отцепил наш ключ от Богданчиковой связки и закрыл за нами дверь.

Мы бежали к метро. Дождь со снегом царапал щеки. Мешок с одеялом был тяжелый.

На «Арбатской» мне надо было выходить. Я отдала Богданчику мешок, и мы попрощались.

Вечером я пришла домой. Было чисто и пусто. Я легла и закрылась с головой одеялом.

Потом позвонила Светка.

– Где Димка?

– На работе.

– Я ему голову оторву! Как вы могли Богдашку так выкинуть из дома?! Я открываю дверь, а он стоит, как бомж какой с мешком! Почему вы его выкинули, отвечай? Почему по-человечески ничего сделать не можете? Рваную простынь мне в сумку засунула! Он же пакет с книжками в яму уронил! Он сам, дурак, поперся в вагон, где много народу, и выронил, когда выходил. Муж приедет, он же меня убьет за книжки! Богдашка поехал сейчас опять в метро, может, их достанет. Почему Димка его не проводил?! Почему он у нас ключи взял? А я вот смотрю, нашего ключа на связке нет. Где Димка? Как он с моим сыном! Гад такой. Я-то думала, я Богдашку к друзьям отправляю, а вы? Ты что, не могла кормить его нормально? Он говорит, что голодный был. Какая ты хозяйка фиговая, стирать не можешь. Я вам, как людям, сервиз привезла. Думала, посидим по-человечески. Я сейчас милицию вызову. Пусть этот твой и отвечает.

Если он мне не позвонит и не скажет, где мой ключ, я его засажу, пусть жизнь узнает. Он, может, меня обокрасть хочет, я его же не знаю совсем!..

Я бросила трубку. Позвонила Димычу и сказала, что мы перепутали

ключи, наш оставили, а Богданчиков отсоединили, надо срочно ехать к Светке.

Димыч стал говорить, что уже одиннадцать и мы можем опоздать на пересадку. Я закричала, что успеем, встречаемся на «Арбатской». У меня было бешенство.

На улице выла вьюга.

На «Арбатской» Димыч сказал, что Светка, наверное, уже спит.

– Только не бери сервиз! Ничего не бери!

Больше меня ничего не волновало. Пусть сегодня, сколько бы это сегодня ни продолжалось, все это наконец закончится.

Светка долго не открывала. На пороге она стояла сонная в ночной рубашке.

– Вы, ребята, что? с ума сошли? Я думала, вы утром приедете, мы чайку попьем. Я вам сервиз привезла, помидорчиков. Богдашка уже спит. А у тебя, Ленка, откуда такое пальто новое, сколько стоит?

– Свет, прости за беспокойство. Но ты, кажется, очень волновалась.

Эту фразу я продумала еще в метро, а в автобусе ее повторяла.

В метро я заснула у Димыча на плече.

Следующий день был выходной. Я долго спала. Меня разбудила Светка:

– Лен, одной рубашки не хватает.

Я побежала на кухню, Димыч пил чай. Оказалось, что один раз он надевал Богданчикову рубашку, когда ходил на какую-то конференцию. Она висела в шкафу на вешалке.

Светка ждала у телефона.

– Богдашка уже оделся и сейчас за ней приедет. Жди.

Димыч уезжал к одной пожилой писательнице и велел мне с Богданчиком не разговаривать.

Я осталась одна. В дверь скоро позвонили. Богданчик вошел. Я отдала ему рубашку.

– Что, коза, рада, что из дома меня вытолкала!

Он подошел и схватил меня за грудь. Я его оттолкнула. Он ударил меня по лицу, и я упала. Было больно, и я заорала не своим голосом.

– Сволочь!

Дверь осталась открытой, Богданчик сбежал по лестнице.

Я почти ничего не видела. Очки разбились. Других не было. Я отползла в угол между кроватью и шкафом. Мне казалось, что меня сейчас вырвет. Тело ныло. В комнате было темно. Димыч придет поздно вечером. Я ненавидела Богданчика, себя, Светку и больше всех почему-то писательницу, у которой сейчас был Димыч.

Позвонила Светка. Она испугалась и просила не говорить Димычу, а то он «убьет Богдашку».

– Я ему, дураку, сейчас дозу увеличу. А то он опять злой стал. Только не говори ничего своему!

Позвонил один Димычин друг и спросил, почему я реву.

А я его спросила, очень ли старая писательница. Он ответил, что очень. И что она еле ходит, и что от нее никогда скоро не уедешь.

В квартире была тишина: соседи не смотрели телевизор, и на улице не кричали мальчишки. Димыча не было.

Он пришел в двенадцать. Когда он вошел в комнату и сел рядом, я уткнулась в него, и он показался мне очень родным.

Писательнице он чинил кофеварку.

Светка позвонила через два дня. Я вежливо сказала, что пишу программу и очень занята.

Богданчик больше никогда не звонил. Он очень гордый, и он все-все понимает.

V

Наступил февраль.

Я все чаще стала попадать в троллейбусы, которые застревали в пробках. Дети сиротливо сидели в пустом коридоре.

По четвергам у Алексея был прием. К нему стояла длинная очередь. Он с Димычем уезжал на последнем поезде. Димыч стал опаздывать на пересадку. Он звонил мне в пустую комнату и говорил:

– Ленок, извини. Я иду пешком, через час буду.

Мне было страшно. А под окнами кто-то иногда кричал резаным голосом. Димыч приходил в снегу и в руках держал ботинки с носками. Он опять стал ходить босиком.

– Ленок, не сердись. Ужинать не буду. «Ужин отдай врагу».

Я ревела, что он не ест мой суп.

В следующий четверг я начинала ему звонить на работу и напоминать про пересадку. Димыч говорил:

– Да, да, иду.

И в час ночи опять раздавался звонок. Я не брала трубку, бегала по комнате и кричала. За окном молчали, и снег падал хлопьями. Потом раздался звонок.

– Ленок!

Я бросила трубку.

Когда он вошел в квартиру, то сразу побежал к столу и взял деньги.

– Мне надо расплатиться с шофером.

Он вернулся и начал что-то мне говорить. Я ревела, а потом услышала, что хохочу. От этого начала смеяться еще сильнее. Мне хотелось выпрыгнуть из себя и больше туда не возвращаться. Димыч помчался за водой. Я бегала по комнате и вертелась на одном месте. Потом выскочила куда-то на лестничную площадку, на балкон около лифта.

– Пусть меня тут заморозит! Мама! Возьми меня назад!

– Успокойся. Ты всех соседей разбудишь, что они вообще подумают!

Если хочешь, я дам тебе денег на такси.

Димыч ушел. Я стояла на этом балконе. Снег все падал. Меня трясло, и надо было возвращаться в квартиру.

Потом я почувствовала, что он рядом, и мы шепотом просили друг у друга прощения.

На урок я опять опоздала.

Две недели я ждала, что мы в среду пойдем в театр. Купила билеты и часто доставала их из кошелька, чтобы уточнить, точно ли в среду. Димыч обещал отпроситься у Алексея. Я приехала на «Юго-Западную» и встала около первого вагона: «Если мы сходим на этот спектакль, то что-то изменится. Он придет через пятнадцать минут. Ну через двадцать. Сядем тогда на последнем ряду». Люди выходили из вагонов. Через час я ему позвонила на работу.

– Ленок! Какой театр? А! Тут машина при...

Я бросила трубку и пошла к Даше. Даша молча курила, иногда только говорила, что это еще ничего. Потом она стала укладывать спать ребенка, и мне надо было куда-то идти.

Я позвонила домой к маме и узнала, что Димыч меня ищет и мне надо срочно ехать к нему.

Когда я подходила к дому, то увидела, что на нашем втором этаже горит желтый свет. Мне стало спокойнее.

– Ты где была?

– Не скажу.

– Ты все-таки скажи. Я к театру к десяти подъезжал. Все выходят, а тебя нет. Почему ты не пошла?

Утром я была дома и нашла конверт, в котором лежала вырезка из газеты: «Одна молодая симпатичная пара хочет познакомиться с другой парой для

занятий групповым сексом».

Я уткнулась в подушку и поняла, что он меня бросил. Потом позвонила мама и спросила:

– Кто умер?

– Никто. У нас все нормально.

Она пыталась меня, пока я не сдалась и не рассказала. Мама засмеялась:

– Ты что, своего Димыча не знаешь? Он, во-первых, туда никогда не напишет, а если напишет, то не пойдет. Успокойся и готовься к урокам. Я тебе правду говорю, это все суета.

Я страдала до вечера. Показала Димычу конверт. Он очень смутился и сказал, что это просто так, в порядке информации.

Я боялась следующего четверга – дежурства у Алексея. Когда он позвонил в двенадцать, я опять бросила трубку.

Он пришел в час и стал возбужденно говорить, что к ним приходила какая-то деревенская женщина, у нее шесть детей и муж тракторист. Им не платят зарплату в совхозе. Она такая, в общем, «в горящую избу», такая настоящая. Она только сразу куда-то ушла потом. А он побежал за ней, чтобы дать ей хотя бы хлеба. Потом понял, что она поехала на Белорусский. Он бегал, искал ее по вокзалу, но не нашел.

– Обидно так. Она туда с новорожденным поехала.

– А я как же?

– А ты что? В тепле сидишь.

Я почувствовала дикое бешенство. И начала кричать, смеяться и бросила в него табуреткой. От нее отлетела ножка.

– Я ненавижу их всех! Я не могу жить больше в этой пустой квартире! Я с ума схожу!

Димыч уже не приносил мне воды и не верил смеху. Он перестал со мной разговаривать.

Утром он писал письмо этой женщине в Смоленскую область. Он писал, что когда ее увидел, то понял, что Россия жива, благодарил ее за то, что она есть на свете, сожалел, что не догнал на Белорусском.

Утром мы вместе шли на работу, около трамвайной остановки Димыч опустил письмо.

Через шесть дней в воскресенье в семь часов утра нам позвонили из Смоленской области. Она просила денег в долг. Димыч чуть скис и как-то заметно угас. В понедельник я пошла посылать деньги по почте.

Димыч заболел. Я бегала по аптекам и боялась, что он умрет. Он быстро поправлялся, и я была счастлива, что он дома и слушает свою любимую Изабеллу Юрьеву. Через несколько дней он опять побежал на работу. Вечером он привел молчаливого мужчину с бородой. Он жил на вокзале, потому что у него украли паспорт и не было денег добраться до Сибири. Он помылся, поел и попросил отварить ему риса без соли. Утром он переложил рис в банки и опять пошел на вокзал.

Потом заболела я. Лекарства кончились. Папа звонил и спрашивал, купил ли мне Дима молоко. Вечером пришел Димыч с мешком лекарств.

– Зачем столько? Ты их сам покупал?

– Нашего Николая Трофимыча посылал.

Я опять начала кричать, чихать и кашлять. Я твердила, что все это глупо, глупо, глупо, зачем целый мешок, что надо платить за квартиру и почему он их купил не сам.

За квартиру Димыч не платил принципиально, с ним об этом даже разговаривали мои родители... Димыч убедительно кивал и надеялся, что «кто-то заплатит».

В четверг он позвонил ночью и сказал:

– Леноч!

Я бросила трубку и стала быстро ходить по комнате. Когда он пришел, я

сделала вид, что сплю. Димыч пошел громыхать чайником. Я побежала на кухню с криками:

– Сколько можно мучить...

Димыч стал объяснять, что он мне звонил, а у него не было денег, и поэтому он за жетон отдал свои часы в палатку.

– Папины?!

– Я их завтра возьму назад.

Эти часы меня вывели еще больше.

– Подумай о соседях, – говорил Димыч. Чтобы меня отвлечь, он стал рассказывать, что к ним приходила замечательная женщина из Сибири, у которой есть две дочери, а она удочерила еще двух. Пришла к ним и помогает.

Я стала кричать, что я не верю никаким женщинам, которые к ним приходят.

– Я вообще никому не верю!

– Успокойся.

Потом Димыч потерял где-то в квартире обручальное кольцо, искал его целое воскресенье и не нашел.

Однажды я собралась с духом и пошла к Димычиному Алексею.

Алексей, как всегда, кричал на Димыча, в телефон и стучал по машинке.

– А, Лен!

– Алексей! Я теряю над собой контроль. Все разваливается. Отпускай Димыча раньше.

Алексей стал объяснять, что он его не держит, что Димыч сам все забывает и путает.

Димыч стоял рядом с опущенной головой. Я чувствовала себя как двоешниковая мама, которую вызвали. Было противно. Алексей отпустил все же Димыча в тот день пораньше.

– Леноч, приезжай к нам почаще, – сказал Димыч.

Родители предложили мне иногда, особенно в четверг, приезжать ночевать к ним, чтобы я не бросалась табуретками в мужа.

С Димычем тоже была проведена беседа о том, что Лена работает с детьми, поэтому сильно утомляется и ее надо беречь. Я чаще стала бывать у них. Боялась той пустой комнаты и неожиданных телефонных звонков. Когда Димыч приезжал вечером к родителям, я бежала открывать ему дверь, и казалось, что все началось сначала. Мы долго стояли у окна в моей комнате и смотрели друг на друга. Было светло, потому что напротив окна горел фонарь. Дворник опять скреб лопатой.

В четверг Димыч как обычно пришел ночью. Папа уже спал. Я злилась и не вышла его встречать, мама сама поила его чаем. Я пришла на кухню и молча смотрела в цветок на хлебнице. Димыч ел.

Уже в комнате я стала просить у него прощения – это был первый раз, когда я не вышла его встретить.

Когда мы легли, на меня что-то нашло, и я неожиданно столкнула его с кровати – это была шутка. А он обиделся по-настоящему и глубоко.

На следующий день мы должны были встретиться с Димычем и ехать домой вместе.

Я стояла на «Курской» и ждала. Мне стало казаться, что так будет всегда: станция, редкие люди и поезда с двух сторон. Когда он все-таки приехал и начал рассказывать про каких-то многодетных, которым он что-то носил и отдавал на работе, я закричала, что уеду к родителям, и что у меня нет детей и никогда не будет, и что мне лучше умереть. Димычу дали какие-то успокаивающие для меня, я их глотала и редела в голос.

Потом было затишье. Димыч приходил не поздно. Просил поселить бывшего заключенного с женой к нам. Я сказала, что сейчас никого не могу вообще видеть.

Папа пригласил нас на экскурсию по соборам Кремля. Я часто смотрела

на Димыча и вдруг поняла, что мы не встречаемся глазами. Иногда он косился на одну высокую девушку. Я подошла к нему ближе. Он не слушал экскурсовода и думал о чем-то своем.

Вечером у меня было хорошее настроение. Я сидела на диване для «гостей» и листала газету «Из рук в руки».

– Димыч, а Димыч. Найди мне мужа.

– Ну ты даешь, Ленок.

– Ладно, пошли ужинать.

Это воскресенье было прощеным. Мы вечером поехали в церковь. Было грустно. Все просили друг у друга прощения, и казалось, что дальше обид будет уже меньше.

Мы вышли из церкви. Было сито и промозгло. Мама дала нам тяжелую сумку с банкой брусники. Нам ее прислали из Ордынска.

– Спасибо вам за все, – Димыч опять низко поклонился маме.

Она стояла на остановке, а мы перешли на противоположную сторону, к Киевскому. Я в темноте видела маму, и мне было почему-то ее очень жалко. Потом подошел наш троллейбус. Мы сидели молча на первом сиденье и смотрели в мокрое стекло.

Он вышел раньше, а у меня стало как-то странно тосковать сердце.

Дома я ничего не прочитала. А только ждала его. Он приехал довольно скоро. Когда он мыл руки, то тихо напевал:

– А ты такой холодный, как айсберг... в океане...

После ужина я его стригла. Мне нравилось, как он сидит на табуретке с мокрой головой и читает газету. Иногда он спрашивал:

– Ленок, ну ты долго еще?

– Подожди. Не наклоняй голову, такой ужас получается. Ты меня сам потом за это прибьешь.

Потом я укладывала волосы феном и он шел к зеркалу.

– Ален Делон какой-то получился.

Димыч по-пижонски прищурил глаз и повернул голову в сторону.

Я подошла к нему.

– Димыч, обними меня. Сильнее. Сильнее. Сильнее.

Утром я проснулась позже. У меня был выходной. Димыч уже позавтракал. И собирался на работу.

– Димыч, доброе утро.

Я стояла на коленях на кровати. За окном был серый день.

– Леночка. Только ты, это самое, держись. Мне надо тебе сказать одну вещь.

В общем, у меня прошло чувство к тебе. Я предлагаю развестись.

– А как же я?

– Ну...

– Это неправда!

– Правда. Я же чувствую.

– Ты давно?..

– Месяц. Там все дни рождения были, поэтому я и... не говорил.

– Я уеду, я уеду.

– Ты тут реши. Давай чайку выпьем, и я побегу, уже поздно.

Во мне что-то щелкнуло: при нем уже нельзя плакать, нельзя... Он на прощанье поцеловал меня и ушел. Я сидела на кровати в ночной рубашке. Позвонила мама:

– Что?!

– Ничего.

– Что?!

– Он меня... разлюбил... Мы... разводимся.

– Я сейчас приеду, жди, это скоро.

Мама приехала.

– Как он тебе это сказал? Что у вас вчера произошло?

Мне было трудно разговаривать.

Позвонил Димыч и попросил, чтобы я случайно не взяла его телефонную книжку. Я знала, что мне надо ему что-то сказать и он звонит именно за этим, но не смогла. Я сидела. Мама готовила и мыла раковину. Когда стало темно, мама уехала.

Я смотрела в окно, а там был ветер. Дима пришел позже обычного.

Мы поздоровались, и он стал ужинать.

– Ты так раковину вымыла?

– Мама.

– Я звонил, что-то расслабился днем, а потом все – решил окончательно.

Сразу работать стало легче.

Он долго, как всегда, по пять минут чистил зубы. Потом мы легли. Я плакала, и мне казалось, что если слезы попадут на него, то все изменится.

– Я не знаю, как я поступаю, – прошептал он и стал придвигаться ко мне ближе. После всего я поняла, что лежу с чужим человеком. Потом я услышала, что вою.

– Нельзя ли потише, – сказал Димыч.

Я замолчала. Лежать было еще долго, а в окне еще даже не светало.

Утром я стала собирать вещи. Дима сказал, что я еще приеду за ними. Нам надо было на работу. Мы поехали вместе, в трамвае при выходе он подал мне руку. Зачем это все теперь?

Когда мы еще выходили из квартиры, я бухнулась ему в ноги:

– Прости.

– Мне тоже так надо? – спросил он.

– Нет.

В метро мы молчали. На «Площади Революции» он вышел. Я приехала на работу и вошла в класс, ко мне подошли мальчики с тюльпанами.

– Поздравляем вас с 8 Марта. Можно мы во второй половине урока

поздравим девочек?

– Можно.

Я что-то говорила по уроку, а потом они меня с девочками выпроводили в коридор. Они готовили подарки. Девчонки смеялись и радовались. И вдруг я увидела, какие они красивые.

Я ехала домой с тюльпанами. Мама открыла и спросила:

– Ну что?

– Все, я уехала.

Потом я долго сидела на кухне и тупо смотрела в цветок на хлебнице. Идти в свою комнату не хотелось, там надо было как-то засыпать. Когда я легла, мама села ко мне на кровать, мы помолчали, а потом я уснула.

Следующий день был Восьмое марта. Мне звонили знакомые и спрашивали:

– Вы что, поссорились?

– Нет.

– А почему ты здесь?

День заканчивался. Мне уже никто не звонил. Я пошла в церковь – была первая неделя поста. Читали канон Андрея Критского. Я слушала и плакала. В конце недели я пошла на исповедь. Когда отец Сергей узнал, что произошло, то велел в воскресенье Диме к нему подойти.

– Передай, что я его очень прошу.

Я позвонила Димычу, у меня стучало сердце, и я боялась, что он это услышит в трубку.

– Димыч...

– Леноч, это ты? Ты как там?

– Ничего. В Питер с детьми поеду на каникулы.

– Ну вот, съездишь, развеешься.

Он обещал прийти.

– Раз надо, то приду, конечно.

Он опаздывал. Отец Сергей исповедовал. Я стояла впереди и старалась не оглядываться. Потом все-таки оглянулась и увидела его, он стоял в притворе, смотрел на меня и улыбался. На нем было что-то пронзительно родное и в то же время чужое. Я подошла к нему, и мы встали недалеко от отца Сергея. Рядом с Димычем мне вдруг стало спокойно, и я почувствовала себя каким-то вправленным позвонком. Отец Сергей подошел к нам, взял его за руку и стал говорить. Я опустила голову, Димыч тоже.

Потом отец Сергей пошел опять исповедовать. Какая-то дама очень громко спрашивала, можно ли в пост слушать Моцарта.

Димыч пошел в конец храма. После проповеди я подошла к нему:

– Отец Сергей был на высоте, но эффекта он не достиг, – сказал Димыч.

– Ты сейчас куда?

– К Игорю.

Подошел автобус.

– А может, поедешь со мной?

– Мне надо вернуться.

После причастия стало легче. Вечером позвонил Игорь. Димыча у него не было.

VI

Я поехала к нему на работу. На вахте меня спросили, кто я ему.

– ...Жена.

Диму вызвали. Он спускался по белой лестнице. В знакомой рубашке. Волосы подстрижены коротко и челочка.

– Ленок?

– Здравствуй, я вот приехала сказать, что ты мне очень нужен. И если ты хочешь как-то по-новому... меня мучает неопределенность.

– Когда надо решить?

– После Пасхи.

– Хорошо.

– Кто тебя так подстриг, с челочкой?

– Тут женщина одна сюда приезжала и всех подстригла. Мне нравится.

Мы стояли на лестничной клетке. Он избегал смотреть на меня и потом стал торопиться. Я уехала.

В церкви отец Сергей спросил, живу ли я у мужа. Я ответила, что он даст ответ после Пасхи.

– На второй день Пасхи пошлите телеграмму в Петербург, в Иоанновский монастырь. Так и пишите: «Отцу Иоанну Кронштадтскому. Прошу помочь. Елена». Матушки все поймут. И молитесь. Деньги на телеграмму дать?

Телеграмму я послала. В окошке никто не удивился.

Нам кто-то звонил и бросал трубку.

– Никак не может решиться, – сказала мама.

Через несколько дней звонок:

– Ленок, я завтра приду. Вы дома будете? Ты знаешь, я кольцо нашел. Представляешь, оно на балконе было.

Он говорил много, быстро и сбивчиво. Я испугалась его тона, может, это только такое настроение.

Он должен был приехать днем. Мы знали, что изменить ничего нельзя, и почему-то ходили и разговаривали медленно.

– Только ни о чем сама не проси. Даже если он и передумает, не бросайся сразу ехать.

Он пришел. Пришел отказываться. Я сразу поняла. Какая-то новая черно-белая толстая майка с длинными рукавами, под ней рубашка. Все это было незнакомое. Мы прошли в мою комнату. Он сел за стол. На столе лежали его книги: Бродский, Юнна Мориц и Довлатов.

– Лен, я ухожу.

– Это я уехала.

– Ну ладно, извини.

Потом нужно было объясниться и с родителями. Мы сидели в зале. Из окна чуть серел день.

– В общем, простите, пожалуйста.

Папа стал что-то говорить о том, что попросить прощения – это самое легкое.

– Ты не понял, Дима говорит о том, что все, – сказала мама.

Мне сказали выйти. Я была в коридоре. Они говорили не очень долго. Меня позвали. Предложили Диме чай с куличом и пасхой. Он согласился. Мы сидели вчетвером, пили чай. Дима повеселел и рассказывал про работу. Я старалась на него не смотреть и смотрела только на его черно-белые рукава. После чая он зашел в мою комнату за книгами. Я его обняла. Мы простояли так долго, а потом он уехал. Мама перекрестила его на дорогу.

– Все, – сказал папа.

– О чем вы с ним говорили?

– Спросили, почему так произошло.

– А что он ответил?

– Ответил, что у вас разные жизненные установки и образ жизни. Раньше он думал, что это неважно.

– А какой у меня?

– Он сказал, что салонный.

Я пошла и закрылась в своей комнате. Лежала и плакала. Телефон стоял рядом. Я зачем-то снимала трубку, а говорить не могла, позвонила одна мамина знакомая:

– Але, Лен! Ты что молчишь? Але! Але! Разводитеесь, что ли?

Я позвала маму.

VII

Почти всю мою одежду из той квартиры уже давно забрала мама. Меня туда не пускали. Когда я увидела эти вещи, то начала кричать, зачем так много, мне столько не надо. Мама сказала, чтобы я держала себя в руках и прекратила истерику.

Теперь мне надо было ехать самой – забирать свои книги и тетради. С Димой мы не перезванивались, и прошло уже много времени с тех пор, как он был у нас. Я ему позвонила, и мы договорились, что он будет дома в воскресенье. Ночью я не спала. На лавочке недалеко от его дома я надела длинные сережки, заколола волосы, как ему нравилось, и надела красивые туфли – так должна выглядеть «независимая» женщина.

Его не было. Книги я собрала, но на подоконнике их оставалось еще много. Ждать или не ждать. Я смотрела в окно – сейчас поеду – и не ехала.

Я стояла у окна: уйти или не уйти? Прошло больше часа. Раздался телефонный звонок. Папа спрашивал, почему я не еду домой. Я ответила, что выезжаю, но осталась у окна.

Наконец я увидела Диму. Он бежал и широко размахивал руками. Я схватила сумку и выбежала из квартиры. Я не хотела, чтобы он видел, как я его жду. Я начала жать кнопку лифта. Лифт подошел, а я все жала кнопку. Димыч поднимался по лестнице. Я вошла в лифт – сейчас двери закроются, и я уеду. Он вошел в лифт.

– Подожди пока.

На кухне он поставил разогревать пшенную кашу. Она была в котелке. Он достал тарелки и ложки.

– Я положу тебе?

– Нет, я сам.

Мне трудно было сидеть и не наливать чай. Мы слегка пикировались. А

потом я спросила, можно ли его погладить по голове.

– Можно.

Мы обнялись и стали целоваться.

– Или ты уходишь, или мы идем в комнату, – сказал он.

Больше всего я боялась идти на улицу. Там мне было плохо без него.

– Вставай, – повторил он.

Раньше я вставала на его ступни, и мы так часто шли в комнату и смеялись.

– Нет, я сама.

А потом он был счастливый.

– Ты меня вспоминал?

– Как же я могу тебя не вспоминать?

Его лицо было рядом.

Потом я его мыла. Мне хотелось, чтоб от меня что-то осталось еще. У него было такое выражение лица, что другому нельзя это видеть. В нем была нежность. Я поняла, что никого роднее этого намыленного Димыча у меня нет.

Я включила Джо Дассена.

– Димыч, пригласи меня танцевать.

Он замолчал и вдруг резко сказал:

– Нет. Нам уже пора. Вот и все.

К метро мы шли вместе. У меня очень стучали каблуки. Во мне была странная легкость и при ходьбе слегка шатало:

– В одном итальянском фильме...

Димыч стал рассказывать про фильм, потом купил два банана. Свой я съесть не смогла, и он его доел сам.

Он сошел на «Площади Революции», ему опять надо было на работу.

Мы долго не звонили друг другу. Потом мне предложили заниматься с учеником. Нужная тетрадка была у Димы.

– Найди, пожалуйста, зеленая на подоконнике. Я заеду за ней к тебе на работу сегодня или завтра вечером.

Он рассказал, что у него пропал баян – дал поиграть, а ему не вернули. Артурова девушка, пока у них жила, украла все деньги и кольцо. Соседи вызывали милицию, потому что какой-то Тимофеич выкидывал Артура в окно.

Еще он сказал, что у него чесотка. Алексей его днем отправил к врачу, который выписал мазь. Пока нельзя было выходить из дома, и вечером сильный зуд.

Я читала ему из «Справочника фельдшера» про чесотку и слушала, как он молчит и слушает про то, как «они» вечером прогрызают ходы и зуд усиливается.

Я спросила, приехать ли мне его мазать.

– Нет.

Он мне представлялся почему-то как раненый. Я стала спрашивать знакомых, кто что знает про чесотку. Но все только тревожно спрашивали:

– А зачем тебе это, а?

Он скоро поправился, и я приехала к нему на работу.

– Димыч, как твои руки?

Они у него были слегка красноватые и шершавые.

Мы куда-то шли, и везде был шум от машин. Мы куда-то спустились по лестнице и сели на бревно.

– Тебе очень нужен развод?

– Да. Я хочу, чтобы юридически все было так, как в жизни. И если вдруг я встречу другую женщину, то я хочу...

– А ты встретил уже эту женщину?

– Да.

– Кто она?

– Лариса. Она из Сибири. У нее две родных дочери, и еще она удочерила

двоих. Она была проездом в Москве и ехала к дочери. Вообще она племянница Ельцина, и у нее есть счет за границей.

– Она какая?

– Ну, полная. Старше меня. Веселая такая, к ней людей тянет. Лицо такое круглое, обещала похудеть.

– Я прошу тебя, про меня ей ничего не рассказывай. Я не хочу этого, понимаешь? Когда ты можешь пойти в ЗАГС, подавать заявление? В среду?

– Нет, наверное, в пятницу.

– В пятницу, в одиннадцать, можешь?

– Да.

– Пойдем. Привези мне несколько твоих фотографий.

Мы пошли к метро, в переходе кто-то играл на гитаре грустный романс, и мы стали героями дешевой мелодрамы – герои расстаются. Мы попрощались, и я сказала, что пройду по улице. Уже темнело. Я шла мимо памятника героям Плевны и хохотала. Меня останавливали прохожие и спрашивали, что случилось. У метро я замолчала, и меня пропустили. Когда я вышла на «Университете», я опять начала хохотать. Над собой и над ним. Домой я шла пешком. Наверху синело небо, и прохожих уже не было.

Домой я пришла уже тихая.

Я сидела опять в очереди в ЗАГС. Он опаздывал. Я боялась, что они придут вместе. Он появился один. Он отдал мне весь пакет с фотографиями. Мне было неловко их смотреть, вокруг были чужие люди, а его мама стояла в море. Я выбрала три: он маленький строит конструктор, старшеклассник вынул глаза, и веселый забивает доски в Звенигороде. Он все время бегал куда-то звонить.

Бланк нам дала та же блондинка с высокой прической. Несколько бланков мы испортили. Она сказала, что мы не хотим разводиться и бланков она нам больше не даст. Мы выпросили еще один. В графе «причина» он написал –

«Прошло чувство». Я сразу вышла из себя и не могла заполнить эту графу: «разные жизненные установки?», «несовместимость?». Наконец я написала «по желанию мужа». Срок нам назначили. Появляться надо 17 октября.

Мы вышли на улицу. Я раскрыла зонт и стала представлять, как мы сюда придем 17 октября. Он сказал, что Лариса жалеет о том, что они раньше с ним не встретились.

Я стала кричать, что им с Ларисой расстраиваться не надо, он сейчас разведется, сядет на белого коня и, чистый и светлый, поедет вперед к Ларисе. Я начала что-то говорить о его работе, о том, что настоящего дома они с Алексеем все равно никому не дают, что он на побегушках у Алексея, что он сам бывает жестокий...

Он сказал, что если бы мы сидели спокойно за столом, он бы меня обязательно переспорил. Я не могла идти домой и пошла на работу.

Вечером я позвонила Диме и извинилась.

Мои родители договорились с Димой, взяли машину и забрали из его квартиры мои оставшиеся вещи.

Книги они не привезли. На подоконнике ничего не оказалось. Я позвонила Диме. Он сказал, что Лариса поставила книги на полки.

– Приезжай лучше сама.

Мы договорились, что в квартире днем никого не будет.

– Я им позвоню и всех разгоню, – Дима был в хорошем настроении.

Мама сказала, что одну меня туда не пустит.

На «Первомайской» стояли те же магазины: фиолетовый для хлеба, желтый для молока. Все было так же, только очень пекло солнце.

Мы подходили к подъезду. Вдалеке на школьной площадке сидели мужчина и женщина.

– Мам, они ждут, надо недолго.

Мы вошли в квартиру. Все его вещи были вынуты из шкафов, и несколько

рубашек уже были аккуратно сложены на полках. Около кровати на тумбочке я увидела женскую туалетную воду. Я открыла крышку и понюхала. У меня стучало сердце, и я ничего не почувствовала.

– Ты что делаешь? – закричала мама. – Положи на место.

На кухне была разобранная и вымытая соковыжималка.

«Соки ему делает».

В мусорном ведре лежали мои икебаны.

В ванной стоял новый стиральный порошок, и его рубашки были замочены в тазу.

Мы забрали книги и вышли. Ключи мама положила в конверт и бросила в почтовый ящик, так они договорились с Димой.

– Как пойдём? – спросила мама.

– Иди за мной.

Я слышала только, как у меня что-то стучит в голове. Я подошла к забору и увидела ее. Она была большая и рыхлая, сидела на сумке, как сидят на вокзале.

Я повернулась и пошла по тротуару.

– Мама, это она.

– Не может быть.

– Да. Я знаю.

– Я прошу тебя, никому об этом не рассказывай.

У меня прошла ревность.

– Он очень болен, доченька.

На Киевском мы ждали троллейбус, пошел дождь. Рядом женщина под навесом продавала лотерейные билеты.

– Мам, сейчас я, наверно, должна много выиграть.

Но я ничего не выиграла. Мне было все равно. Мы долго ехали в троллейбусе, и из окна капали капли на рукав.

Началось лето, а потом прошло.

«Семнадцатое октября, семнадцатое октября» – это сидело в голове колом.

За три дня я позвонила ему.

Трубку взяла Лариса. Она сказала, что Дима еще не вернулся, она волнуется, что поздно. Она сказала, что ни в чем передо мной не виновата, потому что мужика не отбивала. Когда они встретились, то мы с ним уже расстались. А я, может быть, еще буду счастлива, только должна себе родить ребеночка. Она тоже рожала без мужа, и ничего страшного. Она обещала, что Дима, как придет, сразу перезвонит.

Игорь рассказал мне, что Лариса говорит, что она беременная, а я просто не могла дать мужику счастья. Она приезжала с ним в дом престарелых, спрашивала, в чем ребята нуждаются, и обещала, что «дядя» поможет. Еще она рассказывала много анекдотов, и Игорь теперь знал, что я кидалась в мужа табуретками.

Дима перезвонил и стал мяться.

– В общем, Ленок, я паспорт свой отдал одной девчонке, она просила – ей надо было комнату где-то снять. А потом она пропала, и паспорта нет. Что, Ларис? Тут вот Лариса говорит, что паспорт она сделает, у нее есть связи в милиции. Так семнадцатого, в одиннадцать. Ну, созвонимся, если что.

Нас развели и ничего не спросили. Блондинка только посмотрела на нас и сказала:

– Всякое в жизни бывает.

Мы шли по знакомой дороге. Никуда не торопились. Я достала ему яблоко. Он, как всегда, был голодный. Он повеселел. Я отдала ему второе.

Димыч взял на воспитание мальчика четырнадцати лет. Мальчик называет его папой. Не слушается. Их вдвоем показывали по телевизору, Димыч давал интервью. Потом мальчика забрали в милицию и избили. Теперь он лежит в

больнице и просится домой. Димыч не знает, что с ним делать.

На «Университете» я вышла. Мы пожелали друг другу счастья. Когда мы входили в метро, Димыч перелез через турникет.

– Я теперь всегда так делаю.

Мы больше не виделись. От Игоря я узнала, что он заболел желтухой и его положили в больницу. Там он долго лежал. Игорь обиделся на меня, что я не поехала навещать Димыча.

– У него есть кому ходить, – сказала мне мама.

Я много думала о том, как он там лежит и болеет. Потом его выписали. Игорь сказал, что Ларису посадили.

Мне приснился сон, что Димыч сидит один в темной комнате и ему плохо. Утром я ему позвонила. Он снял трубку. Я спросила, как он себя чувствует.

– Спасибо, Ленок. Я там отдохнул, палата большая. Доктор хороший, старенький, внимательный. Тут вот такое произошло... Ну, сейчас я печатаю, Алексею нужен срочно отчет. Если хочешь, перезвони вечером.

Я не стала перезванивать, голос у него был веселый.

Через три дня Ларису отпустили. А на следующий день она умерла. Он пришел, а она мертвая. Перевозка приехала утром. Это мне рассказал Игорь. Никто так и не знает, была ли она беременная. Говорят, что была.

Сейчас Димыч живет с другой женщиной. Еще у него живет мальчик одиннадцати лет. Димыч его воспитывает.

Его теперь часто встречает многодетный Толик: их организации находится рядом. Димыч все время куда-то спешит, и они редко разговаривают.

Когда еще Димыч ходил лысый и в свитере, мы с ним как-то сидели в моей комнате и целовались. И он вдруг сказал:

– Люблю.

Я растерялась и сделала вид, что не слышу. Ответила я ему, только когда мы перетаскивали стол Юлиной приятельнице. Мы стояли в лифте, меня

прижало столом, а я сказала:

– Димыч, я влюбилась в тебя.

Когда мы приехали от бабушки в первый раз, я спросила Димыча, что ему там запомнилось больше всего. Он смутился и сказал:

– Как ты сидишь в красном платке на полатах.

Сейчас мы не звоним друг другу. Если я и позвоню, то он меня, наверное, не сразу узнает. Не могу только, когда в переходе играют на баяне.